

«Богоматерь Воплощение» — центральная икона пророческого ряда иконостаса. Эволюция идеи

© 2025

УДК 27.526-52
ББК 85.14
С17

Поступила в редакцию 12.03.2025

Классический пророческий ряд русского высокого иконостаса трудно представить без иконы «Богоматерь Воплощение» в его центре. Однако исследования показывают, что эта привычная для нас схема сложилась не сразу и прошла определенный путь становления. Вопрос о том, когда именно и почему в качестве центральной иконы ряда была избрана икона «Богоматерь Воплощение», о причинах и смысле этого явления ранее, не поднимался.

Пророческий ряд иконостаса возник и начал распространяться на Руси одновременно с деисусным и праздничными чинами, составившими высокий иконостас, в конце XIV–XV вв. [Щенникова, 2000. С. 399–400]. Исследователи, обращавшиеся к теме пророческого чина, как правило, интересовались составом изображаемых пророков и их иконографией, отмечая неустойчивость программы чина и системы расстановки икон на тягле [Петрова, Петрова, Щурина, 2003. С. 210; Лелекова, 2011. С. 101]. О.В. Лелекова отмечала тенденцию помещать в центре ряда изображения великих пророков [Лелекова, 2011. С. 101–102]. Просмотрев большое количество монастырских описей, О.В. Лелекова установила, что вплоть до первой половины XVII в. практика размещения в центре ряда иконы «Богоматерь Воплощение» не была повсеместной, и центральное место в пророческом ряду могла также занимать икона царя Давида [Лелекова, 2011. С. 89–90]¹. В настоящем исследовании мы ставим перед собой цель попытаться разобраться, почему в пророческом чине происходит закрепление в качестве центральной иконы образа «Богоматерь Воплощение».

¹ Примером пророческого ряда, где в центре помещены иконы пророков Давида и Соломона, может служить «Чин деисусный и пророческий (на двух досках)» середины XVI в. из ГТГ. См.: [Антонова, Мнева, 1963. С. 84. Кат. 451. Инв. 14634].

Наиболее ранний дошедший до нас пророческий чин — это чин иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря (ок. 1427). Древняя центральная икона этого чина не сохранилась, но более поздний образ воспроизводит иконографию «Богоматерь Воплощение» [Воронцова, 2014]². Гипотетически, центральная икона «Богоматерь Воплощение» могла украшать и пророческий ряд иконостаса Успенского собора в Кремле 1482 г. [Ильин, 1970. С. 31–32. Примеч. 3], но, согласно исследованиям О.В. Лелековой, в Описи Успенского собора 1621 г. такая икона не упоминается, а появляется она только в Описи 1638 г. [Лелекова, 2011. С. 91]. В иконостасе Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря ок. 1497 г. в центр пророческого ряда помещен образ царя Давида [Иконостас Успенского собора, 2012. С. 202–203. Кат. 41] [ил. 1]. Образ «Богоматери Воплощение» мы видим в так называемом Кашинском чине второй четверти — середины XV в. (ГРМ) и даже в пророческом ряду, украшающем меднолитой хорос конца XV — начала XVI в. (ГРМ) [«Пречистому образу Твоему поклоняемся...», 1995. С. 95 Кат. 54; С. 305. Кат. 193]. В двух последних случаях по сторонам от Богоматери помещены образы царей-пророков Давида и Соломона. «Богоматерь Воплощение» изображена в центре написанного на одной доске пророческого чина из собрания П.П. Рябушинского первой половины XVI в. (ГТГ) [Антонова, Мнева, 1963. С. 75. Кат. 435. Инв. 14644], на центральной иконе пророческого ряда первой четверти XVI в. из Глушицкого монастыря (ВОКМ) [Иконы Вологды, 2007. С. 232–235. Кат. 29]. Повторяется эта схема и в памятниках — середины — второй половины XVI столетия таких, как «Чин пророческий» середины XVI в. из ГТГ [Антонова, Мнева, 1963. С. 137–138. Кат. 526. Инв. 12809] [ил. 3], церковь походная трехрядная из ГТГ середины XVI в. [Там же. С. 73–74. Кат. 434. Инв. 127874–12789] и в памятниках конца XVI в., как пророческий чин «Походной церкви» 1589 г. (ГТГ) и др. [Там же. С. 212–213. Кат. 630. Инв. 12772–12782].

Таким образом, мы видим, что на протяжении XV–XVI вв. идет формирование композиционной схемы пророческого ряда с иконой «Богоматери Воплощение» в центре, иконография которой, в свою очередь, по мере развития усложняется, вбирая в себя новые элементы. Почему же выбор все-таки был остановлен именно на иконографии «Богоматери Воплощение»?

Предпримем небольшой экскурс в византийское искусство. Интерес к библейским текстам, предвозвещающим Воплощение Логоса, возникает в византийской гомилетике и гимнографии уже в IV в. и получает широкое распространение в VII–VIII вв. [Этингоф, 1995. С. 40–46; Луковникова, 2003. С. 29–30]. Образы, связанные с пророческими текстами, такие как Ковчег Завета, Лестница, Жезл Ааронов, Камень горы, Руно осмысляются как символы, предвозвещающие рождение Спасителя мира от Девы. В IX в. они проникают в изобразительное искусство, а уже в конце XI — начале XII в. обретают место в росписях храмов, в иконах и в миниатюрах [Луковникова, 2003. С. 29–30]. Свою

² О.В. Лелекова считает, что доска, на которой написана икона «Богоматерь Воплощение» более поздняя по сравнению с остальными досками чина. См.: [Лелекова, 2011. Т. 1. С. 89].

1

3

2

ил.1 Пророки Даниил, Давид и Соломон
Икона из пророческого чина иконостаса
Успенского собора Кирилло-Белозерского мона-
стыря. Ок. 1497. ГТГ

fig.1 Prophets Daniel, David and Solomon
Icon from the prophetic tier of the iconostasis
of the Dormition Cathedral of the Kirillo-
Belozersky Monastery. Ca 1497. State
Tretyakov Gallery

ил.2 Богоматерь Воплощение. Икона из
пророческого чина Кашинского чина. Вторая
четверть — середина XV в. ГТГ

fig.2 The Mother of God of the Incarnation
Icon from the prophetic tier of the Kashin tier
Second quarter — middle of the 15th century
State Tretyakov Gallery

ил.3 Пророческий чин. Икона из собрания
П.П. Рябушинского. Первая половина XVI в.
ГТГ

fig.3 Prophetic tier. Icon from the collection
of P.P. Ryabushinsky. First half
of the 16th century. State Tretyakov Gallery

ил.4 Похвала Богоматери. Икона. Третья
четверть XIV в. Музеи Московского Кремля

fig.4 Praise of the Mother of God. Icon
Third quarter of the 14th century. Moscow
Kremlin Museums

4

вполне законченную формулировку идея взаимосвязи изображений ветхозаветных пророков и Богоматери получила в таких известных памятниках, как синайская икона «Богоматерь с пророками» конца XI в. и аналогичный образ из собрания Эрмитажа конца XII в. В среднике обеих икон представлена Богоматерь с Младенцем на руках, восседающая на престоле, а вокруг центрального образа, на полях — пророки со свитками. Вверху над Богоматерью — Спаситель в окружении небесных сил. Два главных изображения — Богоматери и Христа — в программе иконы символизируют Земную Церковь и Ее Небесного владыку [Этингоф, 1995. С. 40–46].

Следующий этап разработки интересующей нас темы приходится на эпоху Палеологов. Теперь получают самое широкое распространение ветхозаветные прообразы Богоматери в монументальной живописи [Луковникова, 2003. С. 38]. Рождаются в XIV в. и новые композиции с пророками и символами пророчеств, как, например, «Древо Иессеево» [Миланович, 1995. С. 219–241; Сарабьянов, 2008. С. 199–216] и «Похвала Богоматери». Древнейшая икона этого извода,

написанная греческим мастером, хранится в Успенском соборе Московского Кремля и датируется третьей четвертью XIV в. [Громова, 2005; Иконы Успенского собора, 2007. Кат.10. С. 118–127] [ил. 4]. На ней впервые пророки изображены не на полях, а в среднике, непосредственно окружая Богоматерь с Младенцем на троне. Важно, что, так же как на византийских иконах конца XI и XII вв., образ Богоматери с Младенцем в этой иконографии корреспондирует с образом Христа в медальоне, представленном выше в типе Еммануила, восседающего на престоле. Так обозначается таинственная связь между Младенцем, воплотившимся Логосом, и вечным Богом вне времени и пространства.

Немаловажную роль в процессе осмысления роли Богоматери в домостроительстве Спасения, как считают исследователи, сыграл византийский чин Возношения Панагии, в котором Богоматерь воспевалась как Всесвятая, послужившая делу Воплощения Христа. На это указывают такие памятники, как стеатитовая чаша-панагиар XII в. из афонского монастыря Святого Пантелеимона, где центральное изображение Богоматери окружено фигурами пророков со свитками [Кондаков, 1902. С. 222–223. Табл. XXXI] [ил. 5]. В одной связи с идеей, выраженной в Чине возношения Панагии, стоит и утвердившаяся в Византии в XI–XII вв. традиция помещать изображение Богоматери в алтарной абсиде, причем довольно часто избирается именно иконографический тип «Богоматери Воплощение». По описаниям патриарха Константинопольского Фотия выполненная в технике мозаики полуфигура Богоматери с Младенцем на груди украшала абсиду церкви монастыря Неа Мони (1042–1055) [Grabar, Chatzidakis, 1960. P.10, 18–19. Pl. XV–XXI]. Богоматерь с Младенцем на груди в рост изображена в абсиде церкви Богоматери в Трикамо на Кипре (начало XII в.) [Stylianou A. & J., 1997. P. 349]; в русской церкви Спаса на Нередице (1199) [Сарабьянов, Смирнова, 2007. С. 145–156. Ил. 147]; в церкви Богоматери в Студенице (1208–1209) [Радојчић, 1966. С. 30–31]. За русской иконой Богоматери Оранты с Младенцем на груди XIII в. (ГТГ) традиция закрепила именование Великая Панагия [Древнерусская живопись XII–XIII веков, 2020. С. 430–459. Кат. 15].

Небольшой экскурс в византийское искусство показывает, что обе иконографические темы — «Богоматерь Воплощение» и «Богоматерь с пророками» развивались почти одновременно. Однако соединения пророков и «Богоматери Воплощение» в единую композиционную схему не произошло.

Как и в Византии эпохи Палеологов, богословская проблематика, возвышающая роль Богоматери в деле домостроительства Спасения, актуализируется и в древнерусском искусстве второй половины XIV в. В 1354 г., в Новгороде впервые строится храм, предназначенный для чудотворного образа «Богоматери Знамение», который в этот период еще именовался «Богоматерью Воплощение» [Смирнова, 1994. С. 288–309]³. Образ «Богоматери Воплощение» появляется в знаменитой росписи церкви Спаса Преображения на Ильине улице (1378), выполненной Феофаном Греком [Лифшиц, 1987. С. 22–24]. Здесь в де-

3 В новгородских источниках чудотворную икону начинают называть Богоматерью Знамение только с конца XV в. См.: [Смирнова, 1994. С. 288–309].

корации Троицкого придела впервые в древнерусском искусстве Богоматерь изображена внутри ромба, знаменующего Божественную славу. Л. И. Лифшиц справедливо трактует эту композицию как зримый образ теофании, сравнимый с изображением Спаса в силах [Лифшиц, 2002. С. 273–275]. Важно отметить, что в росписи Троицкого придела впервые со-поставлены изображение Святой Троицы и «Богоматерь Воплощение». Как и в упоминавшихся выше византийских иконах «Богоматерь на престоле с пророками» XI–XII вв., где была обозначена связь Воплотившегося Логоса и Вечного Бога, сопоставление в программе росписи Троицкого Божества и Богоматери в типе «Воплощение» артикулирует эту тему: на груди у Богоматери изображен еще не воплотившийся, но предреченный Младенец Христос. Образы «Богоматери Воплощение» присутствуют и в росписи храма Успения Богоматери на Волотовом поле в Новгороде (1380-е гг.). Надпись вокруг одного из них (в шельге свода на хорах) возвышает образ до символа Божественной Премудрости [Вздорнов, 1989. Кат. 48], что также подтверждает существование особого интереса к этому образу, наделяемому самыми высокими смыслами. Наиболее решительный шаг в свете интересующей нас темы был сделан в росписи новгородской церкви Фёдора Стратилата на Ручью (1380–1390-е гг.). Здесь богородичный цикл на хорах дополнен изображениями пророков, размещенных на склонах арок между западным рукавом и угловыми компартиментами. «Замковым камнем» всей росписи этого пространства служил медальон с образом «Богоматери Воплощение» (сохранилась часть медальона) в шельге свода рукава [Царевская, 2004. С. 88–89].

В русском искусстве XV в. получает дальнейшее развитие тема взаимосвязи образов Богоматери и пророков. Об этом свидетельствует, как фреска в Похвальском приделе Успенского собора Московского Кремля (1480-е гг.), так и икона «Похвала Богородице» третьей четверти XV в. из частного собрания [Шедевры русской иконописи XIV–XVI веков, 2009. С. 134. Кат. 20]. Таким образом, сохранившиеся памятники XIV–XV вв. говорят о полной вовлеченности древнерусского искусства того времени в актуализированную палеологовской эпохой мариологическую проблематику, целью которой был поиск образов, поднимающих на новую ступень высокий статус почитания Девы Марии.

На рубеже XIV–XV вв. в русской церковной жизни происходит ряд важных событий, которые были связаны с именем прибывшего на Русь в 1374 г. из Константинополя митрополита Киприана. Он возглавлял московскую архиерейскую кафедру до момента своей смерти в 1406 г. Одно из самых значительных его деяний — введение на Руси Иерусалимского устава, по которому жили монастыри Афона [Мансветов, 1885]. Следуя примерам литургической жизни на Афоне, митрополит Киприан ввел в обиход русских монастырей византийский Чин возношения Панагии, богородичного хлеба. Непосредственным следствием этого нововведения стало появление на Руси на рубеже XIV — начала XV в. одновременно и в Новгороде, и в Москве миниатюрных двустворчатых панагий, предназначавшихся для перенесения и хранения драгоценной частицы богородичной просфоры, освященной в ходе совершаемого

5

6

7

- ил. 5 Чаша-панагиар. XII в. Монастырь Св. Пантелеимона на Афоне
fig. 5 Panagiarion bowl. 12th century. Monastery of St. Panteleimon, Athos
- ил. 6 Панагия двустворчатая. XVI в. СПМЗ
fig. 6 Double-winged Panagia. 16th century. Sergiev Posad Museum-Reserve
- ил. 7 Панагия. XIV в. Монастырь Ксиропотам
fig. 7 Panagia. 14th century. Xeropotamou Monastery

Чина [ил. 6]. Для украшения панагий, серебряных или вырезанных из дерева или кости, была разработана особая программа, согласно которой одну из внутренних створок обязательно украшало поясное изображение «Богоматери Воплощение», а другую — изображение Святой Троицы в виде восседающих за трапезой трех ангелов. Двустворчатые панагии принципиально отличались от византийских панагиаров в виде чаш или тарелей и конструкцией, и своими миниатюрными размерами⁴.

Одна из древнейших серебряных двустворчатых панагий конца XIV — начала XV в. принадлежала новгородскому владыке Серапиону [Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода, 1966. С. 168–170. Кат. 21]. Надпись на драгоценной чаше-панагиаре XII в. из афонского монастыря Св. Пантелеимона [Пятницкий, 1995. С. 19], несмотря на то, что здесь Богоматерь изображена

4 Следует заметить, что на Руси встречались и панагиары в виде тарелей. Примером может служить артосный панагиар середины XV в. из ГТГ. См.: [Антонова., Мнева, 1963. Т. 1. С. 118. Кат. 58. Инв. 12013].

в другом типе, хорошо объясняет выбор образа «Богоматери Воплощение» для декорации панагий [ил. 7]. В этой надписи говорится о «Деве, давшей тело Слову Божьему» и «о Христе, давшем тело хлебу» [Кондаков, 1902. С. 222–223. Табл. XXXI]. Характерно, что уже на панагии Серапиона образ Богоматери сопровождается надписью-молитва «Достойно есть...», прославляющая Богоматерь как «честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим». Исследовавшая феномен двустворчатых панагий А. В. Рындина, сопоставляя их с греческими памятниками, пришла к заключению, что программа декорации русских панагий («Богоматерь Воплощение» — «Святая Троица» на внутренних створках; «Три святителя» — «Распятие» на внешних створках), несмотря на миниатюрный размер предмета, превращала его в космический по масштабу литургический образ Церкви [Рындина, 1994. С. 204–214]. Более того, исследователь указала на такую закономерность, как связь идеи декорации миниатюрных панагий с другими видами храмового искусства, полагая, что синтезировавшие в себе идею Церкви малые формы литургического искусства оказывали воздействие на большое искусство так же, как это было и в искусстве Византии. А. В. Рындина вслед за Н. П. Кондаковым пишет о том, что декорация византийских панагиаров (панагиар-тарель XIV в. из Ксиропотама) сопоставима с программой росписи византийских храмов XIV в., поскольку представляет собой сцены Небесной литургии, которые окружают образ «Богоматери Воплощение» в рост на центральной круглой мишени» [Кондаков, 1902. С. 226]. На литургический смысл декорации панагиара и его связь с идеей храмовой декорации указывала и греческая исследовательница И. Калаврезу [Kalavrezou-Maxeiner, 1985. P. 204–205].

Таким образом, между миниатюрным образом «Богоматери Воплощение» на створках панагий и монументальными изображениями Богоматери Великой Панагии в апсидах византийских храмов прослеживается самая непосредственная связь, и она определяется прежде всего литургическим значением образа. Нам представляется, что программа декорации внутренних створок миниатюрных панагий во многом объясняет, почему именно образ Богоматери Воплощение был избран для того, чтобы стать центральной иконой сформировавшегося в XV в. пророческого чина с заключенной в нем литургической идеей. Обращает на себя внимание и сопоставление на створках панагий «Богоматери Воплощение» и Святой Троицы. Напомним, что впервые сопоставление этих композиций мы видели в росписи Троицкого придела церкви Преображения на Ильине улице в Новгороде, созданной великим Феофаном Греком, современником Киприана.

Обратимся к конкретным памятникам. Двустворчатым панагиям посвящен целый раздел в каталоге мелкой пластики Т. Николаевой [Николаева, 1960]. Наиболее ранний предмет этого собрания относится к первой четверти XV в. [Там же. С. 213–218. Кат. 96]. Две деревянные панагии датируются второй половиной XV в. [Там же. С. 218–221. Кат. 96–98]. К концу XV в. отнесена серебряная панагия [Там же. С. 223–224. Кат. 100]. Еще несколько предметов датированы исследовательницей XVI столетием [Там же. С. 226–239. Кат. 101–104]. На всех панагиях одну

8

9

10

ил. 8 Богоматерь Воплощение. Пелена. Конец XV в. СПМЗ

fig. 8 The Mother of God of the Incarnation. Veil. Late 15th century
Sergiev Posad Museum-Reserve

ил. 9 Христофорово Евангелие. 1448–1533. ГРМ

fig. 9 Christophorus Gospel. 1448–1533. State Russian Museum

ил. 10 Евангелие из Николо-Пешношского монастыря. Конец XV в. СПМЗ

fig. 10 Gospel from Nikolo-Peshnoshsky Monastery. Late 15th century
Sergiev Posad Museum-Reserve

внутреннюю створку украшает образ Святой Троицы «рублёвского извода», другую — изображение Богоматери Воплощение. Панагии демонстрируют устойчивую иконографическую схему: полуфигура Богоматери с молитвенно поднятыми руками представлена на гладком фоне; Младенец изображается благословляющим, со свитком. Медальон обрамляет надпись — молитва «Достойно есть». Все панагии XV — начала XVI в. имеют самую простую и ясную композицию, которая фактически становится некой исходной точкой развития данной иконографии в русском искусстве XV–XVI вв. Аналогичные композиции уже в XV в. мы видим на резных наперсных иконах и на миниатюрных иконах-складнях. Постепенно исходная композиционная схема начинает усложняться дополнительными деталями. Например, на наперсной иконе XV в. «Богоматерь Воплощение» представлена в круге, а за пределами круга в углах иконы помещены символы евангелистов [Там же. С. 158–159. Кат. 49]. Композиция явно ориентирована на иконографию «Спас в силах», где символы евангелистов изображаются в углах ромба, поверх которого наложена мандорла с образом Христа. Введение евангелистов в композиционную схему иконографии «Богоматери Воплощение» обозначает вектор стремления придать этому образу статус, сравнимый со «Спасом в силах». В XVI столетии схема с евангелистами в наперсных иконах и крестах с изображением «Богоматери Воплощение» получает самое широкое распространение [Там же. С. 181–182. Кат. 8; С. 208–209. Кат. 91]. В Ризнице Троице-Сергиевой лавры кроме миниатюрных панагий хранится и столь редкий для XV в. предмет, как литургическая шитая пелена, датируемая концом XV в. Она несет на себе изображение «Богоматери Воплощение» в медальоне, образованном, как и на панагиях, надписью «Достойно есть» [Воронцова, Черкашина, Шитова, 2014. С. 162. Кат. 103]. В углах вышиты херувимы и серафимы. Пелена конца XV в. дает еще один вариант усложнения исходной композиции, отмеченной на створках панагий [ил. 8].

В русле нашей темы нельзя обойти вниманием и оклады Евангелий середины — конца XV в. На окладе Христофорова Евангелия (1448–1533) из ГРМ [Русские монастыри, 1997. С. 42] мы видим композицию, где по углам изображены евангелисты, в центре «Распятие», над «Распятием» в круге «Святая Троица», а под «Распятием» — «Богоматерь Воплощение» в медальоне [ил. 9]. В центре композиции оклада Евангелия из Николо-Пешношского монастыря конца XV в. (СПИХМ) [Воронцова, Черкашина, Шитова, 2014. С. 96. Кат. 61] — семифигурный деисус со «Спасом на престоле», а непосредственно над Спасом представлена «Богоматерь Воплощение» с херувимами и серафимами. Выше — «Святая Троица». В окладе Евангелия из Николо-Пешношского монастыря отчетливо звучит тема «иконостаса», в котором наряду с деисусным чином присутствуют образы «Святой Троицы» и «Богоматери Воплощение», составляющие единую композицию [ил. 10]. Медальон с «Богоматерью Воплощение» по вертикали сопоставлен и с изображением Святой Троицы, и со Спасом в силах из деисусного ряда.

Присутствие херувимов и серафимов как в композициях окладов Евангелий, так и пелены, подчеркивает именно литургическое значение образа Богоматери. Они, с одной стороны, реанимируют тему Небесной литургии,

11

12

13

ил. 11 Богородица Воплощение. Икона из пророческого чина иконостаса собора Глушицкого монастыря. Первая половина XVI в.

fig. 11 The Mother of God of the Incarnation. Icon from the prophetic tier of the iconostasis of the Glushitsky Monastery Cathedral. First half of the 16th century

ил. 12 Богородица Воплощение. Икона. 1531. Частное собрание

fig. 12 The Mother of God of the Incarnation. Icon. 1531. Private collection

ил. 13 Богородица Воплощение. Икона. Первая треть XVI в. Частное собрание

fig. 13 The Mother of God of the Incarnation. Icon. First third of the 16th century
Private collection

так ярко прозвучавшую в программе византийского Панагиара из Ксиропотама XIV в., а с другой стороны, отсылают к идее одного из важнейших ветхозаветных прообразов Богородицы — «запечатанного» и охраняемого херувимами Ковчега Завета.

Как мы знаем, Ковчег Завета хранился в Скинии, в Святой в Святых. Вход в Святой Святых был оформлен как четыре деревянные колонны, обложенные золотом, а пролеты тройного прохода завешены тканями с изображениями херувимов (Исх. 26:31–33). Эту трехарочную конструкцию с горизонтальной балкой-перекрытием, святые отцы трактовали как место теофанического явления Бога [Шалина, 2000. С. 54–63]. Именно она стала ядром развития конструкции алтарной преграды христианского храма. В древнерусском искусстве исследователи отмечают устойчивую традицию, берущую свое начало не позднее XII в., изображать херувимов на предалтарных столпах и на самом бруске, именуемом также космитом [Там же. С. 65]. Устройство Скинии было хорошо известно русским книжникам. Ее многочисленные изображения мы видим на миниатюрах «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, в тех русских списках, которые получили распространение в конце XV–XVI вв. [Самойлова, 2021. С. 373–399]. Примечательно, что на миниатюре рукописи 40-х гг. XVI в. (ГИМ. Муз. 3512) на л. 90 изображена Скиния в виде шатра, а в зените шатра — «Богородица Воплощение» в медальоне. Таким образом, нам представляется, что композиции окладов Евангелий XV в. фактически намечали тот путь, по которому развивалась идея образа «Богородица Воплощение» как центральной иконы пророческого ряда высокого иконостаса, и появление на тыле иконостаса образа «Богородица Воплощение», предвещающего явление в мир Бога, в этом контексте выглядит вполне закономерно.

Наиболее ранние иконы «Богородица Воплощение» из пророческого чина представляют, как и изображения на панагиях, самый простой вариант иконографического типа. На таких иконах Богородица представлена по пояс. Полуфигура Младенца помещена в складки Ее мафория. Фон гладкий. Но на фоне по сторонам нимба Богородицы могут быть изображены херувимы или серафимы, как на самой ранней литургической пелене XV в. Жесты Богородицы и Младенца разнятся. Как правило, у Богородицы и у Младенца руки разведены в стороны. На некоторых иконах Богородица держит руки над плечами Младенца ладонями на зрителя. Младенец чаще всего благословляет правой рукой и держит в левой руке свиток. На иконах из Кашинского чина (вторая четверть — середина XV в.), из чина Глушицкого монастыря [ил. 11] и на иконе из ГТГ (первая половина XVI в.) по сторонам нимба Богородицы изображены два херувима. Однако уже даже в ранних памятниках, таких как центральная икона пророческого чина из Глушицкого монастыря, фигура Богородицы с Младенцем помещается не просто на фоне ромба, символа Божественной Славы, как у Феофана Грека, но в центре двух наложенных друг на друга ромбов синего и красного цветов, воспроизводящих ромбы композиции «Спас в силах». Теофаническая идея, впервые прозвучавшая в росписи Феофана Грека, получила свое дальнейшее развитие. К первой трети XVI в. относится

ил. 14 Походная церковь
Ок. 1589. ГТГ

fig. 13 Field church
Ca. 1589. State
Tretyakov Gallery

выносная запрестольная икона из частного собрания, на лицевой стороне которой «Богоматерь Воплощение» изображена в еще более усложненном иконографическом варианте: сам образ Марии заключен в медальон, помещенный в центр красного прямоугольника с вытянутыми углами, в которых представлены символы евангелистов; фон медальона заполнен херувимами [Лаурина, Пушкарёв, 1983. С. 325. Кат. 200] [ил. 12]. Интересный вариант представляет и другая выносная икона первой трети XVI в. из собрания О.Ю. Тарасова: здесь медальон, составленный из концентрических колец, наложен сначала на ромб, из-под которого выходят вытянутые углы нижнего четырехугольника; все углы заполнены лучами [Шедевры русской иконописи XIV–XVI веков, 2009. С. 370–372. Кат. 79.] [ил. 13]. Эти примеры, как и упоминавшиеся выше миниатюрные наперсные иконы с символами евангелистов, со всей очевидностью показывают, что развитие иконографии «Богоматери Воплощение» шло не просто по пути усложнения, но по пути сближения образа по смыслу с иконографией «Спасу в силах», интерпретируя его как теофанию, явление Божества. Центральная икона пророческого ряда Походной Церкви 1589 г. впечатляет законченностью с точки зрения теофанической идеи [ил. 14]. Здесь фигура Богоматери с Младенцем заключена в круглый медальон, наложенный на красный ромб, лучеобразные углы которого выходят из-под круга, и в них помещены символы евангелистов. По сторонам композицию фланкируют изображения херувима и серафима. Сложная и продуманная композиция «почти приравнивает» по значению центральную икону пророческого чина к «Спасу в силах», главной иконе деисусного чина, над которой она располагается в иконостасе.

Проведенный обзор показывает, что в период с середины XV по середину XVI в. самый широкий круг памятников — панагии, литургические пелены, оклады Евангелий — демонстрирует особый интерес к теме «Богоматери Воплощение», предлагая для декорации самых разных произведений сходные композиционные решения. Наиболее ранние памятники с наиболее простой иконографической схемой — это двусторчатые панагии, что косвенно подтверждает гипотезу А.В. Рындиной об иконографической программе миниатюрных панагий, как о точке отсчета распространения литургической темы «Богоматери Воплощение» — образа Церкви — в разных видах искусства. В круг этих памятников входит и центральная икона формирующегося пророческого ряда. Литургическая идея, заключенная в образе «Богоматерь Воплощение», и ассоциативная связь иконы с Ковчегом Завета, охраняемого шестокрылами, обусловила сначала процесс проникновения образа «Богоматери Воплощение» в уже сложившийся в XV в. пророческий ряд иконостаса, а в дальнейшем закрепление его в качестве центральной иконы чина.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. 2. М.: Искусство, 1963. 570 с.
- Вздорнов Г.И. Волоотово. Фрески церкви Успения на Волоотовом поле близ Новгорода. М.: Искусство, 1989. 344 с.
- Воронцова Л.М. Иконостас Троицкого Собора Троице-Сергиевой Лавры. М.: ИП Верхов, 2014. 72 с.
- Воронцова Л.М., Черкашина Г.П., Шитова Л.А. Ризница Троице-Сергиевой Лавры. Т. I. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2014. 328 с.
- Громова Е.Б. История русской иконографии Акафиста. Икона «Похвала Богоматери с Акафистом» из Успенского собора Московского Кремля. М.: Индрик, 2005. 304 с.
- Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV веков / Отв. ред. И.А. Стерлигова. М.: Наука, 1996. 511 с.
- Древнерусская живопись XII–XIII веков. ГТГ. Каталог собрания. М., 2020. 608 с.
- Иконостас Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Каталог выставки. М.: ООО «Азбука», 2012. 228 с.
- Иконы Вологды XIV–XVI веков. М.: Северный паломник, 2007. 824 с.
- Иконы Успенского собора Московского Кремля. XI — начало XV века. М.: Северный паломник, 2007. 327 с.
- Ильин М.А. Иконостас Успенского собора во Владимире Андрея Рублёва // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М.: Наука, 1970. С. 29–40.
- Кондаков Н.П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб.: Императорская Академия наук, 1902. 312 с.
- Лаурина В.К., Пушкарев В.А. Новгородская икона XII–XVII веков. Л.: Аврора, 1983. 344 с.
- Лелекова О.В. Русский классический иконостас. Иконостас из Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. 1497 год. Т. I–2. М.: Индрик, 2011. 912 с.
- Лидов А.М. Иконостас: Итоги и перспективы развития // Иконостас. Развитие — Происхождение — Символика. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 11–32.
- Лифшиц Л.И. Монументальная живопись Новгорода. М.: Искусство, 1987. 542 с.
- Лифшиц Л.И. Фрески Феофана Грека в Троицком приделе церкви Спаса на Ильине улице // Древнерусское искусство. Византия. Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Посвящается 100-летию со дня рождения В.Н. Лазарева. СПб., 2002. С. 269–288.
- Луковникова Е.А. Циклы ветхозаветных прообразов Богоматери в византийской монументальной живописи XIII–XIV веков // Искусство христианского мира. Вып. VII. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 29–50.
- Мансветов И.Д. Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1885. 449 с.
- Милановић В. Старозаветне теме и лоза Јесејева // Зидно сликарство манастира Дечана. Београд: САНУ, 1995. С. 213–239.
- Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики XIII–XIV веков в собрании Загорского музея. Загорск, 1960. 338 с.
- Петрова Л.Л., Петрова Н.В., Щурина Е.Г. Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника. М.: Северный паломник, 2003. 336 с.
- Попов Г.В. Кашинский чин // Православная энциклопедия. Т. 32. М., 2018. С. 156–158.
- «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». Образ Богоматери в произведениях Русского музея. СПб.: Palace Edition, 1995. 350 с.
- Пятницкий Ю.А. К проблеме атрибуции панагиара Алексея Комнина // Искусство Руси и стран византийского мира XII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 18–19.
- Радојчић С. Старо српско сликарство. Београд: Нолит, 1966. 356 с.
- Русские монастыри: искусство и традиции. ГРМ. СПб.: Palace Editions, 1997. 239 с.

- Рындина А.В. О литургической символике древнерусских серебряных панатических // Восточно-христианский храм. Литургия и искусство. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 204–219.
- Самойлова Т.Е. Лицевые списки «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова в русской книжности первой половины XVI века и их влияние на иконопись // Тринадцатые Феодоритовские чтения. Исторические поселения Севера Европы. Мурманск: Изд-во Кольского науч. центра, 2021. С. 373–399.
- Сарабьянов В.Д. Прообразовательные и ветхозаветные темы в росписях трапезной церкви Пафнутиева Боровского монастыря // Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI века: сб. ст. памяти В.М. Сорокатого. М., 2008. С. 199–216.
- Сарабьянов В.Д., Смирнова Э.С. История древнерусской живописи. М.: ПСТГУ, 2007. 752 с.
- Смирнова Э.С. Новгородская икона «Богоматерь Знамение». Некоторые вопросы богородичной иконографии // Древнерусское искусство. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 288–310.
- Царевская Т.Ю. Богородичная тематика в росписи церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде // Искусство христианского мира. Вып. VIII. М.: Изд-во ПСТБИ, 2004. С. 77–93.
- Шалина И.А. Вход «Святая святых» и византийская алтарная преграда // Иконостас. Развитие — Происхождение — Символика. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 52–84.
- Шедевры русской иконописи XIV–XVI веков из частных собраний: Каталог. ГМИИ им. А.С. Пушкина, Музей русской иконы. М.: Благотворительный фонд «Частный музей Русской иконы», 2009. 592 с.
- Щенникова Л.А. Древнерусский высокий иконостас XIV — начала XV в.: итоги и перспективы изучения // Иконостас. Развитие — Происхождение — Символика. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 392–410.
- Этингоф О.Е. Образ храма в иконографии «Богоматерь с пророками» XI–XII веков // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 37–55.
- Greece: Byzantine Mosaics. New York, Graphic Society by arrangement with Unesco, 1960. 1959 p.
- Kalavrezou-Maxeiner J. Byzantine Icons in Steatite. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1985. 252 p.
- Stylianou A., Stylianou J. The painted Churches of Cyprus. Treasures of Byzantine Art. Second edition. Nicosia: A. G. Leventis Foundation, 1997. 527 p.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

«Богоматерь Воплощение» — центральная икона пророческого ряда иконостаса. Эволюция идеи

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Самойлова Татьяна Евгеньевна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Государственная Третьяковская галерея, Ларушинский переулок, 10, Москва, Российская Федерация, 119017; ведущий научный сотрудник, Российская академия художеств, ул. Пречистенка, 21, Москва, Российская Федерация, 119034. tsamol@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Самый широкий круг памятников XV–XVI вв. — панагии, литургические покровцы, оклады Евангелий — демонстрирует особый интерес эпохи к теме «Богоматери

Воплощение». В круг этих памятников входит и центральная икона формирующегося пророческого ряда высокого иконостаса. Литургическая идея, заключенная в образе «Богоматерь Воплощение», и ассоциативная связь иконы с тяблом иконостаса, как крышкой Ковчега Завета, охраняемого шестокрылами, и с перекрытием арочного входа в Святая Святых, как местом теофании, — все эти факторы обусловили сначала процесс проникновения образа «Богоматери Воплощение» в уже сложившийся в XV в. пророческий ряд иконостаса, а в дальнейшем закрепление его как центральной иконы чина.

Ключевые слова

Богоматерь Воплощение, Спас в силах, высокий иконостас, пророческий чин, панагия, панагиар, иконографический тип, теофания, тябло, литургическая идея.

ТITLE

“The Mother of God of the Incarnation” — the central icon of the prophetic row of the iconostasis. The evolution of the idea

AUTHOR

Samoylova, Tatiana Evgenievna — Ph. D., senior researcher, The State Tretyakov Gallery, Lavrushinsky lane, 10, 119017, Moscow, Russian Federation; leading Researcher, Russian Academy of Arts, Prechistenka St., 21, 119034, Moscow, Russian Federation. tsamol@mail.ru

АБСТРАКТ

The widest range of monuments of the 15th–16th centuries — panagias, liturgical covers, Gospel frames — demonstrate the special interest of the epoch to the theme of “The Mother of God of the Incarnation”. The range of these works of art includes the central icon of the forming prophetic row of the high iconostasis. The liturgical idea contained in the image of “The Mother of God of the Incarnation” and the associative connection of the icon with a lid of the Ark of the Covenant, guarded by the cherubs, and with the arched entrance to the Holy of Holies, a place of theophany — all these factors initially determined the process of integration of the image of “The Mother of God of the Incarnation” into the prophetic row of the iconostasis that was forming in the 15th century, and subsequently its consolidation as the central icon of the tier.

KEYWORDS

Our Lady of the Incarnation, Savior in power, high iconostasis, prophetic row, panagia, panagiар, iconographic type, theophany, liturgical idea.

REFERENCES

- Antonova V.I., Mneva N.E. *Katalog drevnerusskoj zhivopisi. Opyt istoriko-xudozhestvennoj klassifikacii. T. 2. (Catalog of Old Russian Painting. An Experiment in Historical and Artistic Classification, vol. 2).* Moscow, Iskusstvo Publ., 1963. 570 p. (in Russian).
- Vzdornov G.I. *Volotovo. Freski cerkvi Uspeniya na Volotovom pole bliz Novgoroda (Volotovo. Frescoes of the Church of the Assumption on Volotovo Field near Novgorod).* Moscow, Iskusstvo Publ., 1989. 344 p. (in Russian).

- Voronczova L.M. *Ikonostas Troiczkgogo Sobora Troice-Sergievov Lavry (Iconostasis of the Trinity Cathedral of the Trinity Lavra of St. Sergius).* Moscow, IP Verxov Publ., 2014. 72 p. (in Russian).
- Voronczova L.M., Cherkashina G.P., Shitova L.A. *Riznicza Troice-Sergievov Lavry (Sacristy of the Trinity Lavra of St. Sergius).* T. I. Sergiyev Posad, Svyato-Troiczkgaya Sergieva Lavra Publ., 2014. 328 p. (in Russian).
- Gromova E.B. *Istoriya russkoj ikonografii Akafista. Ikona “Poxvala Bogomateri s Akafistom” iz Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya (History of Russian Iconography of the Akathist. Icon “Praise of the Mother of God with Akathist” from the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin).* Moscow, Indrik Publ., 2005. 304 p. (in Russian).
- Sterligova I.A. (ed.). *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda. Xudozhestvennyj metall XI–XV vekov (Decorative and Applied Arts of Veliky Novgorod. Artistic Metal of the 11th–15th Centuries).* Moscow, Nauka Publ., 1996. 511 p. (in Russian).
- Drevnerusskaya zhivopis' XII–XIII vekov. GTG. Katalog sobraniya (Old Russian Painting of the 12th–13th Centuries. State Tretyakov Gallery. Collection Catalog).* Moscow, 2020. 608 p. (in Russian).
- Etingof O.E. The image of the temple in the iconography of “The Mother of God with the Prophets” of the 11th–12th centuries. *Drevnerusskoe iskusstvo. Issledovaniya i atribucii (Old Russian art. Research and attributions).* Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1994, pp. 37–55 (in Russian).
- Greece: *Byzantine Mosaics.* New York, Graphic Society by arrangement with Unesco, 1960. 1959 p.
- Ikonostas Uspenskogo sobora Kirillo-Belozerskogo monastyrya. Katalog vystavki (Iconostasis of the Assumption Cathedral of the Kirillo-Belozersky Monastery. Exhibition Catalogue).* Moscow, OOO “Azbuka” Publ., 2012. 228 p. (in Russian).
- Ikony Vologdy XIV–XVI vekov (Icons of Vologda of the 14th–16th Centuries).* Moscow, Severnyj Palomnik Publ., 2007. 824 p. (in Russian).
- Ikony Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya. XI — nachalo XV veka (Icons of the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. 11th — early 15th centuries).* Moscow, Severnyj palomnik Publ., 2007. 327 p. (in Russian).
- Il'in M.A. Iconostasis of the Assumption Cathedral in Vladimir by Andrey Rublev. *Drevnerusskoe iskusstvo. Xudozhestvennaya kul'tura Moskvy i prilgayushix k nej knyazhestv. XIV–XVI vv. (Old Russian Art. Artistic Culture of Moscow and Adjacent Principalities. 14th–16th centuries).* Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 29–40 (in Russian).
- Kalavrezou-Maxeiner J. *Byzantine Icons in Steatite.* Wien, Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1985. 252 p.
- Kondakov N.P. *Pamyatniki xristianskogo iskusstva na Afone (Monuments of Christian Art on Athos).* Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademia Nauk Publ., 1902. 312 p. (in Russian).
- Laurina V.K., Pushkarev V.A. *Novgorodskaya ikona XII–XVII vekov (Novgorod Icon of the 12th–17th Centuries).* Leningrad, Avrora Publ., 1983. 344 p. (in Russian).
- Lelekova O.V. *Russkij klassicheskij ikonostas. Ikonostas iz Uspenskogo sobora Kirillo-Belozerskogo monastyrya. 1497 god. T. I–2 (Russian Classical Iconostasis. Iconostasis from the Assumption Cathedral of the Kirillo-Belozersky Monastery. 1497, vols. I–2).* Moscow, Indrik Publ., 2011. 912 p. (in Russian).
- Lidov A.M. *Iconostasis: Results and Prospects of Development. Ikonostas. Razvitie — Proisozhdenie — Simvolika (Iconostasis. Development — Origin — Symbolism).* Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2000, pp. 11–32 (in Russian).
- Lifshitz L.I. *Monumental'naya zhivopis' Novgoroda (Monumental Painting of Novgorod).* Moscow, Iskusstvo, 1987. 542 p. (in Russian).
- Lifshitz L.I. Frescoes of Theophanes the Greek in the Trinity Chapel of the Church of the Savior on Ilyina Street. *Drevnerusskoe iskusstvo. Vizantiya. Rus'. Zapadnaya Evropa. Iskusstvo i kul'tura. Posvyashhaetsya 100-letiyu so dnya rozhdeniya V.N. Lazareva (Old*

Russian Art. Byzantium. Rus'. Western Europe. Art and Culture. Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of V.N. Lazarev). Saint Petersburg, 2002, pp. 269–288 (in Russian).

Lukovnikova E.A. Cycles of Old Testament prototypes of the Mother of God in Byzantine monumental painting of the 13th–14th centuries. *Iskusstvo xristianskogo mira. Vyp. VII (Art of the Christian world, issue VII)*. Moscow, Izd-vo PSTBI Publ., 2003, pp. 29–50 (in Russian).

Mansvetov I.D. *Cerkovnyj Ustav (Tipik), ego obrazovanie i sud'ba v Grecheskoj i Russkoj Cerkvi (Church Charter (Typikon), its formation and fate in the Greek and Russian Church)*. Moscow, Tip. E. Lissnera i Yu. Romana Publ., 1885. 449 p. (in Russian).

Milanović V. Old Testament Themes and the Tree of Jesse. *Zidno slikarstvo manastira Dečana (Wall Painting of the Dečani Monastery)*. Belgrade, SANU Publ., 1995, pp. 213–239 (in Serbian).

Nikolaeva T.V. *Proizvedeniya melkoj plastiki XIII–XIV vekov v sobranii Zagorskogo muzeya (Works of small plastic art of the 13th–14th centuries in the collection of the Zagorsk Museum)*. Zagorsk, 1960. 338 p. (in Russian).

Petrova L.L., Petrova N.V., Shhurina E.G. *Ikony Kirillo-Belozerskogo muzeya-zapovednika (Icons of the Kirillo-Belozersky Museum-Reserve)*. Moscow, Severnyj Palomnik Publ., 2003. 336 p. (in Russian).

Popov G.V. Kashin rank. *Pravoslavnaya e`nciklopediya (Orthodox encyclopedia)*. T. 32. Moscow, 2018, pp. 156–158 (in Russian).

“Prechistomu obrazu Tvoemu poklonyaemsya...” *Obraz Bogomateri v proizvedeniyax State Russian Museum (“We worship Thy most pure image...” The image of the Mother of God in the works of the Russian Museum)*. Saint Petersburg, Palace Edition, 1995. 350 p. (in Russian).

Pyatniczkij Yu.A. On the problem of attribution of the panagia of Alexei Komnenos. *Iskusstvo Rusi i stran vizantijskogo mira XII veka (Art of Rus' and the countries of the Byzantine world of the 12th century)*. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1995, pp. 18–19 (in Russian).

Radojchih S. *Staro srpsko slikarstvo (Old Serbian Painting)*. Belgrade, Nolit Publ., 1966. 356 p. (in Serbian).

Russkie monastyri: iskusstvo i tradicii. GRM (Russian monasteries: art and traditions. State Russian Museum). Saint Petersburg, Palace Editions, 1997. 239 p. (in Russian).

Ryndina A.V. On the liturgical symbolism of ancient Russian silver panagias. *Vostochno-xristianskij xram. Liturgiya i iskusstvo (Eastern Christian temple. Liturgy and art)*. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1994, pp. 204–219 (in Russian).

Samojllova T.E. Illuminated lists of the “Christian topography” of Cosmas Indicopleustes in Russian book writing of the first half of the 16th century and their influence on icon painting. *Trinadcatye Feodoritovskie chteniya. Istoricheskie poseleniya Severa Evropy (The Thirteenth Feodorite Readings. Historical settlements of the North of Europe)*. Murmansk, Izdatel'stvo Kol'skogo nauchnogo centra Publ., 2021, pp. 373–399 (in Russian).

Sarabyanov V.D. Typological and Old Testament themes in the paintings of the refectory church of the Paphnutiev Borovsky Monastery. *Ikonoigraficheskie novacii i tradiciya v russkom iskusstve XVI veka: Sb. statej pamyati V.M. Sorokatogo (Iconographic innovations and tradition in Russian art of the 16th century: Collection of articles in memory of V.M. Sorokaty)*. Moscow, 2008, pp. 199–216 (in Russian).

Sarabyanov V.D., Smirnova E.S. *Istoriya drevnerusskoj zhivopisi (History of Old Russian painting)*. Moscow, PSTGU Publ., 2007. 752 p. (in Russian).

Smirnova E.S. Novgorod icon “The Mother of God of the Sign”. Some issues of the iconography of the Mother of God. *Drevnerusskoe iskusstvo (Old Russian art)*. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1995, pp. 288–310 (in Russian).

Tsarevskaya T.Yu. The Theme of the Virgin Mary in the Painting of the Church of Theodore Stratelates on the Stream in Novgorod. *Iskusstvo xristianskogo mira. Vyp. VIII (Art of the Christian World, issue 8)*. Moscow, 2004, pp. 77–93 (in Russian).

Shalina I.A. Entrance “Holy of Holies” and the Byzantine Altar Barrier. *Ikostas. Razvitie – Proisxozhdenie – Simvolika (Iconostasis. Development – Origin – Symbolism)*. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2000, pp. 52–84 (in Russian).

Shedevry russkoj ikonopisi XIV–XVI vekov iz chastnyx sobranij: Katalog. GMII im. A.S. Pushkina, Muzej russkoj ikony (Masterpieces of Russian icon painting of the 14th–16th centuries from private collections: Catalog. The Pushkin State Museum of Fine Arts, Museum of Russian Icons). Moscow, Blagotvoritel'ny`j fond “Chastny`j muzej Russkoj ikony`” Publ., 2009. 592 p. (in Russian).

Shennikova L.A. Old Russian high iconostasis of the 14th – early 15th centuries: results and prospects of study. *Ikostas. Razvitie – Proisxozhdenie – Simvolika (Iconostasis. Development – Origin – Symbolism)*. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2000, pp. 392–410 (in Russian).

Stylianou A., Stylianou J. *The painted Churches of Cyprus. Treasures of Byzantine Art*. 2nd ed. Nicosia, A.G. Leventis Foundation, 1997. 527 p.